

ДЕТСКИЙ САД им. МАРКИЗА ДЕ САДА, или Национальный детектив Георгий ГАЧЕВА

КН. ОБОЗРЕНИЕ. — 1999 — 8 ИЮНЯ — С. 5

Доктор филологических наук, ученый-культуролог и писатель Георгий Гачев, известен своими работами: «Национальные образы мира», «Русский Эрос», «Русский Логос». Гачев — личность яркая и неординарная. Такой получилась и беседа нашего корреспондента с ним. Не во всем соглашаясь с Гачевым, мы тем не менее считаем, что его мысли будут интересно узнать многим нашим читателям.

ГОРЮЧАЯ СМЕСЬ

— Георгий Дмитриевич, именно национальное вызывало на протяжении жизни ваш жгучий интерес. До недавнего времени тема эта в науке и образовании поднималась нечасто. Считалось, что она чревата разжиганием национальных страстей. Как вы решились поднять такую тему, когда и почему взяли за название «образов мира»?

— Национальная проблема для меня — проблема самопознания. Я родился в Москве, и родной мой язык — русский. Отец — болгарин, соратник Димитрова, политэмигрант, учился в Московской консерватории. Там он познакомился с моей матерью — еврейкой из Минска. Конечно, я человек русской культуры, но в моей крови — горячая смесь.

Большую роль в написании серии сыграла неутоленная мной страсть к путешествиям. За границу меня не выпускали. Тогда, обложившись книгами, я стал путешествовать интеллектуально. Первую свою работу посвятил Болгарии. Потом таким же образом побывал в Греции, Германии, Франции, Англии, Америке.

Я, как сыщик, как детектив-шик, всю жизнь «расследую» цивилизации и по маленьким деталям восстанавливаю целостную картину.

— Сублимация страсти в отъезде на невъезд в другие страны? Кстати, не совсем ясно, что вы, как Шерлок Холмс, там искали?

— Я искал ответы на национальные вопросы. И находил их не только в литературе изучаемых стран, но и в естествознании, в физике, в математике. Конечно, меня почти не издавали, но писать по методу соцреализма я не мог. Зато на службе я только числился и сочинял свои «национальные космосы».

— Чей же «космос» вам ближе?

— Русский «космос», конечно, роднее. Но моя задача — описать и постичь и болгарский образ мира, и еврейский, и английский, и пр., как незаменимые в человеческой культуре.

КРОВЬЮ ЗА СПЕРМУ

— В числе прочих вы совершили интеллектуальное путешествие и в Соединенные Штаты. Как вы оцениваете эту цивилизацию, и что сулит миру и человечеству лидерство Америки?

— Американская цивилизация — искусственна. Американцы — это не народ, это — переселенцы. Страна для них — не мать-родина, а предмет труда. Сейчас они первые в антинародной, технократической цивилизации. Сказано в Библии: «И будут первые последними». США — удавка на шее природы и жизни. Но жизнь реактивна, и расплата будет, это всего лишь вопрос времени.

— А за что платят сербы?

— Чтобы компенсировать свой мужской позор, американский президент решил показать себя генералиссимусом: крутым, решительным и т.д. Сербы платят за ширинку Клинтона — кровью за сперму.

Что касается конкретной ситуации на Балканах, то хорваты

не стали богаче и умнее от того, что создали свое государство. Вспомните: в титовской Югославии страна процветала. Коммунизм как большая светская идея укрощал мелкие этнические страсти и религиозный фанатизм.

НЕ БУДИТЕ ГЕРЦЕНА

— А у нас в России коммунизм как идея был соотнесен с мышлением русского человека?

— Достоевский ошибался, когда думал, что Россию минует социализм-атеизм: народ ведь «богоносец». Коммунизм в России установился неспроста, он постепенно врос в жизнь и стал этой самой жизнью. Вот и Солженицын — главный любитель и патриот России — не заметил, как в борьбе с коммунизмом стал лупить по стране.

— Вас раздражает его роль отомстителя и судьи?

— На этой волне Александр Исаевич и прошел свою жизнь. Человек, написавший «Россия в обвале», по-существу, нанес самые мощные удары по системе. При этом, обличая коммунизм, он для начала побывал в лагере (как и полагается революционеру), потом в полуподполье написал свой ГУЛАГ, а затем угодил за границу. Он не знал мирной патриархальной жизни советских людей. Солженицын был и остался воином. Так и хочется сказать: «Тише, Александр Исаевич, а то снова Герцена разбудите».

— Наверно, не только Солженицын виноват в распаде коммунистической системы?

— После его дубинных ударов ей не осталось ничего иного. Она могла плавно и медленно перейти во что-то другое, но по своей слабой способности развиваться — окостенела. Россия — мамонт, вовлеченный в мировую историю: она напрягается, сама себя не знает. Механически перенимает чужие правила игры. Например, гарвардские схемы не для нашей реальности. Делание рук в России всегда опережает понятие ума. А главная наша беда — не желаем нести ответственность за самих себя.

— Вот с этого места поподробнее, пожалуйста.

НАШИ МАЛЬЧИКИ

— Нас всегда отличали стеснительность и застенчивость. Качества благородные. Мы привыкли себя умялить. Это и минус, и плюс. Пушкин писал о речи «не мальчика, но мужа». Русский человек — мальчик из детского сада, в лучшем случае, подросток, но никак не муж и не хозяин. Сначала он мальчишка у царя за пазухой — ну озорник, ну хулиган. При советской власти он опять окружен заботой — партии и правительства. Он никогда не отвечал сам за себя и не был субъектом своей жизни, а она как-то делалась. В эпоху Брежнева ситуация несколько изменилась, началась коррупция. Гниение — тоже жизнь. А потом и вовсе понеслось. И теперь — как ему одному жить? Но время — лучший учитель. Плоская марксистская идеология, которая не пронизала национальный организм, уходит в

прошлое. Все вдруг запаниковали и бросились искать национальную идею. Это в разрушенной-то стране!

ШЕРШЕ ЛЯ ФАМ

— Что бы вы посоветовали искателям национальной идеи?

— Создавать семьи и рожать детей. Главный патриот сейчас тот, кто Россию населяет. А то сидит не поймешь кто, тюкает на компьютере. Вместо того чтобы любить живую бабу, вызывает какой-то образ и с ним онанирует. Уж лучше с блядью. Вот Скуратов. Дай ему Бог! Настоящий мужик, не педик! Ну так радуйтесь! Нет же! Давайте будем снисходительны. Можно над всем этим посмеяться, как смеются французы над Миттераном — у него растет внебрачная дочь. И замечательно, значит, он не бесплоден, а за акт любви надо платить жизнью. И своей жизнью, и рождением чужой. А примитивный секс — это унижение Эроса, его девальвация.

— На «эротические» темы у вас написано много. В чем, по-вашему, своеобразие русского эроса?

МЫ С ТОБОЙ ДВА БЕРЕГА...

— В России «усталая природа спит», страстность переходит в душевность. Любовь у нас, скорее, психологичная, чем чувственная. Вектор ее в России переходит вкось — в разлуку. Жизнь разводит наших влюбленных, как мосты над Невой. «Дан приказ ему на запад...» И вот они уже на расстоянии хорошо любят друг друга. Телесное наслаждение переключается на более духовные радости. «Не та баба опасна, которая держит за ... а которая — за душу», — сказал однажды Толстой Горькому.

Мало значителен акт физического соединения. Напротив, ни в одной другой литературе мира не развито так искусство любить друг друга и соединиться через слово. Если у Шекспира и Стендаля речи влюбленных предваряют любовное дело, то здесь действие романа начнется, скорее, после утех. В «Бесах» расклеиваются дела ставрогинского сладострастия, в «Братьях Карамазовых» — соединение Федора Павловича с Елизаветой Смердящей. Катерина приходит к Дмитрию Карамазову отдаться — но он не берет ее: унижением ее гордость уже вполне наслаждался. А ее любовь к нему потом — месья за унижение. Место объятий, метаний, страстных поз заменяет у нас свистопляска духовных страстей: кто кого унижит? В поддавки играют: Ну-ка, возьми! Слабо? Любовь — как взаимное истязание. Страдание, и в этом — наслаждение.

— То есть мы — достойные дети француза де Сада и австрийца Мазоха?

— То, что у Мазоха была русская кровь, не случайно. Высшее сладострастие — счастье мучительное... Это вам не человеческий примитив, как в Америке. Где, с одной стороны, вседозволенность, с другой — ханжество и пуританство. За безбидный комплимент даме можно оказаться под судом и следствием. Или бездуховный секс — или семья. Не случайно

Америка — родина бешеных феминисток.

— Как вы относитесь к отечественному феминизму и возможно ли возрождение золотого века эроса?

— Маша Арбатова — явление закономерное. В своем роде она совершенна и по-своему ярко окрашена. А эрос — это такая мощь. Любовь, а не просто трах-тара-рах, отменить нельзя. Я предполагаю, что лет через 200 наступит новый матриархат.

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, РАЗРЕШИТЕ ПРЕДСТАВИТЬСЯ: БЕРЕЗОВСКИЙ

— А как вы считаете, через 200 лет будет национальная роль? Занимаясь национальным самопознанием, что вы думаете о конфликтах на национальной почве?

— Всякий народ есть инструмент с особым тембром в оркестре человеческого. Один — фогот, другой — скрипка. Все вместе — музыка. Но обособление тоже необходимо — нужно очищать свой тон. В процессе познания полезно замыкаться. Если унифицировать, то национальные идеи гораздо меньше религиозных, а национально-религиозные идеи вообще опасны для жизни людей.

Меня раздражают наши СМИ. Зачем они несчастную фразу Макашова тиражируют сто раз в сутки? Никакой новой волны антисемитизма в России нет. Это моя концепция. В русском народе антисемитизма нет. Просто в сравнении с русским медлительным медведем евреи необычайно юрки и активны. Благодаря своей психодинамике они, появившись в России после раздела Польши, быстро захватили журналистику (кто, по-вашему, сейчас-то на телевидении, радио да и в печати?), посты, деньги, банки. В ужасе перед этим был Василий Васильевич Розанов. А потом появились революционеры, социал-демократы, террористы. Все наши главные идеологи были евреи. ЧК — тоже.

— Террорист Борис Савинков не был евреем, Дзержинский — поляк.

— Бросьте, сначала они втравили бедную Россию в марксизм-

коммунизм, уничтожили крестьян, устроили коллективизацию, стали учить мужика русского. А потом устроили себе исход, вовремя исчезли. Словом, поматросили — и бросили. Конечно, у русских обиды.

— Что касается банкиров, то среди них есть и представители других национальностей.

— Ну есть, есть. Парадокс в том, что когда исчез антисемитизм, начало исчезать и еврейство, оно стало ассимилироваться. Так что, используя формулу Вольтера, «если бы антисемитизма не было, его стоило бы выдумать».

— Вам не кажется, что порядочным людям так рассуждать безнравственно и стыдно?

— Стыдно не изучать проблему! Стыдно малюсенькие явления вроде «Памяти» раздувать в печати: «Вот-вот погром, вот-вот погром!». Еврей он ведь, как заяц. Чуть что — и бежит. У России есть родной сын — русский. Еврей — приемный сын. И ревность сына к пасынку вполне объяснима, притом что пасынок устроился гораздо лучше.

— Зависть — чувство низкое. С этого и начинается Холокост. Какой уж тут оркестр человеческий? Одна труба, да и та над Освенцимом. Последний вопрос. Над чем вы сейчас работаете и что нового в вашем издательском портфеле?

ЛОПАТА — ОРУДИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА

— Сегодня я — полугорожанин, полужемледелец. Лучше жить на земле и иметь огород, чем продавать душу, писать статьи и на полученные за них деньги покупать картошку. А на ветру работаете легко, мысли приходят. Покопал — побежал к машинке, записал, устал — взял лопату.

Мы живем в удивительное время. На золоте сидим — для ума, для осмысления литературы.

Я и обдумываю, и пишу, как умею. Главная моя задумка, конечно, выпустить серию «Национальные образы мира», я уже подготовил 17 томов.

Беседовала
Евгения УЛЬЧЕНКО